

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

М.Э. Поснов

О личности

Основателя христианской церкви: изложение и краткий разбор рационалистических, мифологических и натуралистических воззрений на лицо И. Христа

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 7-8. С. 983-999.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

О личности Основателя христіанской церкви *).

(Ізложение и краткий разборъ рационалистическихъ, миѳологическихъ и натуралистическихъ воззрѣній на лицо И. Христа.)

III. Эрнестъ Ренанъ, какъ представитель художественно-исторического (романтическаго) построенія „жизни Иисуса“.

ПОДОБНО страшному урагану, пронесся Штраусъ по области новозавѣтной исторіи. Онъ разрушилъ всѣ бывшія до него построенія «жизни Иисуса», разметаль ихъ отдѣльныя части, разбилъ въ мелкіе кусочки образъ Христа, не давъ въ сущности ничего положительного, цѣльного, живого. Результатъ критики Штрауса можно конкретно выразить элегическими словами евангельской мироносицы: *Взяша Господа моего, и не взымъ, гдѣ положиша Его.*

Грандиозную задачу возсоздать изъ обломковъ живой образъ Иисуса, и именно въ рационалистическомъ духѣ, взялъ на себя Э. Ренанъ (1823—1892).

Ренанъ, сынъ моряка, очень рано лишившись отца, былъ воспитанъ, по его собственнымъ словамъ, «женщинами (матерью и сестрою) и священниками». Сначала онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ и получалъ образование въ католическихъ семинаріяхъ. Но вотъ въ 1845 г. онъ оставилъ семинарію Св. Сульпиція, «въ твердомъ убѣждѣніи, что онъ только тогда можетъ быть вѣрнымъ Иисусу, когда онъ отречется отъ церкви» (?!!..)¹). Теперь Ренанъ предался философско-историческимъ занятіямъ, затѣмъ посвятилъ себя изученію язы-

*) Продолженіе. См. май—іюнь.

¹) E. Lachmann, Realencyklopädie. Hauck. XVI, 650—651. Leipzig. 1905.

ковъ — еврейскаго, арабскаго, сирійскаго, санскритскаго, кромѣ того занимался исторіей религій, нѣмецкимъ богословіемъ — и такимъ образомъ съ избыткомъ восполнилъ пробѣлы университетскаго образованія. Въ 1860 г. Ренанъ, по порученію Наполеона III, предпринялъ научное путешествіе въ Палестину, въ сопровожденіи своей сестры Генріетты, скончавшейся отъ лихорадки въ Библосѣ въ 1861. Здѣсь же онъ «написалъ въ хижинѣ одного маронита на Ливанѣ», «*Vie de Jésus*», какъ первый томъ «*Origines du christianisme*», появившійся въ Берлинѣ 23 июня 1863 г.; хотя въ душѣ Ренана «Жизнь Иисуса» была готова уже во время разрыва его съ церковью, какъ объ этомъ говорить самъ онъ въ юношескихъ воспоминаніяхъ. Такова вѣщіяя исторія появленія знаменитой книги Ренана.

Э. Ренанъ имѣлъ много данныхъ, чтобы дать положительное изображеніе жизни Иисуса. Онъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ богато одаренный, даже съ талантами литератора и художника. Разумѣется, чтобы составить себѣ представленіе о его литературномъ талантѣ, нужно внимательно прочитать и понять всю его небольшую книгу. Но о художественности его слога могутъ свидѣтельствовать хоть слѣдующіе отрывки, — и это даже въ переводѣ на чуждый языкъ. Прежде всего, посвященіе книги: «Свѣтлой душѣ моей сестры Генріетты, скончавшейся въ Библосѣ 24 сентября 1861 г. Вспоминаешь ли ты, покоясь на лопѣ Бога, о тѣхъ длинныхъ дняхъ въ Газирѣ, когда наединѣ съ тобою я писалъ эти страницы, вдохновленныя мѣстами, которыя мы вмѣстѣ посѣтили? Ты сидѣла возлѣ меня молчаливо, перечитывала каждый листокъ, какъ только онъ былъ написанъ, и переписывала его, а у нашихъ ногъ разстилались море, селенія, долины и горы. И когда послѣ томительного зноя миріады звѣздъ усѣивали небосклонъ, твои умные, осторожные вопросы, скромныя сомнѣнія заставляли меня возвращаться къ великому предмету нашихъ общихъ думъ. Однажды ты сказала мнѣ, что будешь любить эту книгу, прежде всего потому, что я писалъ ее вмѣстѣ съ тобой, а затѣмъ еще потому, что она тебѣ по душѣ. Если иногда ты опасалась, какъ бы не пришлось услыхать о ней узкія сужденія какого-нибудь легкомысленного человѣка, то ты всегда пытала увѣренность, что истинно религіозной душѣ въ концѣ концовъ она понравится. Среди этихъ милыхъ думъ смерть коснулась насъ обоихъ своимъ крыломъ; глубокій сонъ послѣ жестокой лихорадки овладѣлъ нами обоими въ одинъ и тотъ

же часъ, и проснулся я одинъ! Теперь ты спиши въ землѣ Адониса, близъ священного Библоса, близъ тѣхъ священныхъ водъ, съ которыми смѣшивались слезы женщинъ древнихъ мистерій. О мой добрый геній! Ты такъ любила меня, раскрой же мнѣ тѣ истины, которая не только разсѣваютъ страхъ смерти, но почти внушаютъ любовь къ ней!» Объ обстоятельствахъ появленія своей книги Э. Ренанъ пишетъ: «Я изѣздили всю евангельскую область вдоль и поперекъ; побывалъ въ Іерусалимѣ, въ Хевронѣ, въ Самаріи; я не пропустилъ ни одной мѣстности, сколько нибудь имѣвшей значеніе для исторіи Иисуса. Такимъ образомъ вся эта исторія, которая на пространствѣ вѣковъ какъ бы виситъ въ облакахъ невещественнаго міра, получила въ моихъ глазахъ плоть, такую реальность, что это меня изумило. Поразительная согласованность текстовъ съ мѣстностью, чудесная гармонія евангельского идеала съ пейзажемъ, послужившимъ для него рамкой, были для меня истиннымъ откровеніемъ. У меня предъ глазами явилось пятое евангеліе, отрывочное, но все же доступное для чтенія, и съ той поры, сквозь повѣствованія Матея и Марка, мнѣ представлялось уже не отвлеченное существо, о которомъ можно сказать, что такого никогда не было на свѣтѣ, а дивный образъ человѣка, который живеть, движется. Лѣтомъ, будучи вынужденъ переселиться въ Газиръ въ Ливанскихъ горахъ, чтобы немного отдохнуть, я бѣглыми чертами запечатлѣлъ образъ, который предсталъ передо мною, и результатомъ этого явился настоящій мой трудъ. Когда жестокое испытаніе ускорило мой отѣздъ отсюда, мнѣ оставалось лишь проредактировать нѣсколько страницъ. Такимъ образомъ эта книга была написана очень близко отъ тѣхъ мѣсть, где родился и жилъ Иисусъ. Со времени моего возвращенія оттуда, я безпрестанно пополнялъ и провѣрялъ въ подробностяхъ тотъ набросокъ, который спѣшно писалъ въ маропинской хижинѣ, имѣя при себѣ лишь пять-шесть книгъ для справокъ». ¹⁾ Замѣчательно красиво у Ренана описание тихой чарующей природы Галилеи ²⁾ и—по контрасту—сурогаго гордаго Іерусалима съ дикой іудейской пустыней ³⁾.—Какъ истый художникъ-литераторъ, Э. Ренанъ полагаетъ свою задачу во-первыхъ

¹⁾ Er. *Renan*, Vie de Jesus. Paris. 1899. 26 ed. р. XCVIII—XLIX рус. пер. Е. В. Святославскаго Спб. 1906, стр. LXIX—LXX.

²⁾ Vie de Jesus, р. 64—73; рус. пер. 47—53.

³⁾ Vie de Jesus, р. 218.; рус. пер. 163 и дал.

«изобразить среду, въ которой имѣлъ мѣсто рассказываемый фактъ! ¹⁾ Затѣмъ уже нужно было ему нарисовать образъ самого героя. «Надо было, говорить Э. Ренанъ, изобразить моего героя прекраснымъ и обаятельнымъ (ибо такимъ онъ былъ безспорно); и надо было это сдѣлать, не взирая на такія его дѣйствія, которыя въ наши дни могли бы заслужить неблагопріятный отзывъ» ²⁾). Главными данными для осуществленія поставленной задачи являются «біографіи основателя христіанства»; т. е. каноническая евангелія. Они отчасти «легендарны, такъ какъ они полны чудесъ и сверхъестественнаго». Но есть легенда и легенда. Евангелія подписываются именами лицъ, очень извѣстныхъ въ исторіи первохристіанства. Если заголовки вѣрцы, евангелія, не теряя своего легендарнаго характера, получаютъ свое высокое значеніе, такъ какъ они относятся къ пятидесятилѣтію, непосредственно слѣдовавшему за смертью Иисуса. «Относительно Луки, говоритъ Ренанъ, нѣть мѣста сомнѣніямъ. Евангеліе отъ Луки есть настоящее сочиненіе, основанное на готовыхъ документахъ», принадлежащее одному лицу и отличающееся законченностью. ³⁾ Евангелія отъ Матея и Марка не носятъ такого индивидуального характера. Это сочиненія безличныя, въ которыхъ личность автора совершенно стушевывается. ⁴⁾ Въ общемъ третье евангеліе написано, повидимому, позднѣе двухъ первыхъ». Непосредственность сообщенія и чистоту ученія четвертаго евангелія Ренанъ подвергаетъ уже сомнѣнію, но относительно времени написанія полагаетъ, что книга эта написана до 100 году. ⁵⁾ —Такъ какъ евангелія легендарны, то собственно историческаго можно извлечь изъ нихъ, по мнѣнію Ренана, очень не много ⁶⁾). Жилъ Иисусъ, былъ родомъ изъ Галилейскаго Назарета. Проповѣдь его была обаятельна и отъ нея сохранились въ памяти его учениковъ афоризмы. Иисусъ возбудилъ къ себѣ ненависть правовѣрныхъ евреевъ, которымъ удалось предать его смертной казни, при сдѣйствіи Понтія Пилата. Онъ былъ распятъ на крестѣ за воротами города. Спустя нѣкоторое время распространился слухъ, будто бы Онъ воскресъ. Все,

¹⁾ Vie de Jesus, p. XXII; рус. пер. XIX.

²⁾ Vie de Jesus p. XXV; рус. пер. XXII.

³⁾ Vie de Jesus, p. XLVIII—XLIX; рус. пер. XXXVIII.

⁴⁾ Vie de Jesus, p. L; рус. пер. XXXIX.

⁵⁾ Vie de Jesus, p. LXX—LXXXVIII. рус. пер. LI—LV.

⁶⁾ Vie de Jesus, p. XVI; рус. перев. XIII.

что выходить за предѣлы этихъ данныхъ, можетъ подлежать сомнѣнію. Тексты, продолжаетъ Ренанъ, не обладающіе историческою достовѣрностью, не могутъ давать полной увѣренности, но они даютъ нѣчто другое. Не должно отдаваться имъ съ слѣпымъ довѣріемъ; но не слѣдуетъ и отклонять ихъ показанія съ несправедливымъ презрѣніемъ. Нужно стараться угадать, что за ними скрывается, но при этомъ никогда не пытать абсолютной вѣры въ то, что найдено такимъ образомъ.¹⁾ Талантъ историка заключается въ томъ, чтобы создать правдивое цѣлое изъ частей, которыя сами по себѣ правдивы лишь отчасти.²⁾

Вотъ самая общая схема сочиненія Ренана «Жизнь Иисуса».

Въ эпоху Августа и Тиверія жилъ великий человѣкъ, который своею смѣлою иниціативою и тою преданностью, какую онъ сумѣлъ внушить къ себѣ, создалъ и самый объектъ, и исходную точку будущей вѣры человѣчества. Родился Иисусъ въ Назаретѣ, въ семействѣ ремесленника. Въ виду смѣшаннаго населенія въ Галилѣ, «невозможно поднимать вопроса о расѣ и доискиваться, какая именно кровь текла въ жилахъ того, кто больше всѣхъ содѣйствовалъ искорененію различій людей по крови». Мало вѣроятно, чтобы Иисусъ зналъ греческій языкъ. Тѣмъ болѣе нѣть основаній предполагать, чтобы онъ имѣлъ какое нибудь понятіе о греческой культурѣ. Эта культура была изгнана палестинскими учителями, предававшими одинаково проклятию и «того, кто выкармливаетъ свиней, и того, кто обучаль своего сына греческой наукѣ». Въ сферахъ самого іудаизма Иисусъ оставался чуждымъ многихъ теченій (ессейства, терапевтовъ, филонизма). По счастью, Иисусъ даже не изучаль и ту іудейскую сколастику, изъ которой выродился Талмудъ. Раввинъ Гиллель былъ учителемъ Иисуса, если только можно говорить объ учителѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о столь оригинальномъ человѣкѣ. Чтеніе книгъ ветхаго завѣта произвело на него сильное впечатлѣніе. Особенно его поразила книга Даниила. Быть можетъ онъ читалъ также и книгу Еноха.

Общественное служеніе Иисуса Ренанъ дѣлить на три периода. Первый періодъ—пророческо-идиллическій, обнимающій дѣятельность Иисуса въ Галилѣ, особенно его нагорную бе-

¹⁾ Vie de Jesus, p. XVII; рус. перев. XIV.

²⁾ Vie de Jesus, p. XX; рус. пер. XVII.

съду. «Вся исторія нарождавшагося христіанства была восхитительною пасторалью. Мессія на брачномъ пирѣ, грѣшица и добродѣтельный Закхей, приглашенные къ его трапезамъ, основатели царства небеснаго въ видѣ званныхъ на брачный пиръ,—воть на что дерзнула Галилея, что она допускала». Все богословіе Іисуса состояло въ томъ, что Богъ познается непосредственно отцомъ каждого человѣка. Богъ Іисуса нашъ отецъ. Смѣло возвысишись надъ предразсудками своей націи, онъ основываетъ всеобщее братство по Богу. «Царство Божіе» или «царство небесное» были любимыми выраженіями Іисуса для опредѣленія того переворота, который онъ вносилъ въ міръ. Іисусъ—основатель истиннаго царства Божія, царства кроткихъ и смиренныхъ, вотъ какимъ былъ Іисусъ первыхъ дней его жизни. Подобно всѣмъ раввинамъ своего времени, Іисусъ пытаясь свое ученіе въ краткихъ афоризмахъ, въ выразительной формѣ. «Если правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя». «Не судите, да не судимы будете»... Результатомъ принциповъ нагорной проповѣди долженъ быть явиться чистый культъ, религія безъ жрецовъ и вѣшнихъ обрядностей, основанная исключительно на сердечномъ чувствѣ, подражаніи Богу, на непосредственномъ единеніи совѣсти съ Отцомъ небеснымъ... Безспорно, если бы евангеліе ограничилось нѣсколькими главами Матося и Луки (разумѣется—нагор. проповѣдь), оно было бы ближе къ совершенству; но не будь въ немъ чудесъ, развѣ оно завоевало бы міръ?—Второй періодъ въ дѣятельности Іисуса начинается послѣ знакомства его съ Іоанномъ Крестителемъ. Это знакомство «принудило молодого пророка изъ Назарета до нѣкоторой степени уклониться отъ своего пути; но съ другой стороны оно же внушило ему многія важныя подробности его религіознаго учрежденія». Въ общемъ втіяніе Іоанна па Іисуса было скорѣе вреднымъ для него, нежели полезнымъ. Оно задержало его развитіе; по всему можно думать, что когда онъ отправлялся внизъ по теченію Іордана, то идеи его имѣли несомнѣнное превосходство надъ идеями Іоанна, и что онъ на время склонился къ баптизму въ видѣ уступки. Повидимому, знакомство Іисуса съ Іоанномъ содѣйствовало также разработкѣ его идеи о «царствѣ небесномъ». Съ этого времени лозунгомъ его стала «благая» вѣсть о приближеніи царства Божія. Наступленіе этого царства будетъ великимъ внезапнымъ переворотомъ. Водворить это царство онъ, Іисусъ, сынъ Божій.

Эта мысль овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ считалъ себя міровымъ реформаторомъ. Переворотъ, который онъ хотѣлъ совершить, былъ чисто нравственный. — Третій періодъ въ жизни Иисуса наступаетъ со временемъ его путешествій въ Іерусалимъ. Эти путешествія имѣли существенное значеніе для его плановъ, ибо «онъ уже чувствовалъ, что для того, чтобы играть первенствующую роль, ему надо выйти изъ Галилеи и атаковать іудаизмъ въ его твердынѣ, которой былъ Іерусалимъ». Иисусъ вынесъ изъ Іерусалима, по крайней мѣрѣ, одно убѣжденіе, которое съ тѣхъ поръ крѣпко въ немъ укоренилось, это именно, что нечего и думать о соглашеніи съ древнимъ іудейскимъ культомъ. Ему представлялось абсолютно необходимымъ уничтоженіе жертвоприношеній, которыя внушили ему такое отвращеніе, упраздненіе нечестиваго и высокомѣрного священства, и въ общемъ смыслѣ, отмѣна закона. Съ этого момента онъ является уже не реформаторомъ, а разрушителемъ іудаизма. Царство Божіе скоро объявится, и именно онъ объявить его. Онъ знаетъ, что падетъ жертвою своей смѣлости, но царство Божіе не можетъ быть завоевано безъ насилия; оно водворится путемъ катастрофы и раздоровъ. Но послѣ своей смерти сынъ человѣческій возвратится въ славѣ, въ сопровожденіи легіона ангеловъ, и тѣ, кто его отвергалъ, будутъ посрамлены. Такимъ образомъ царство Божіе понимается уже въ смыслѣ эсхатологическомъ.

Въ первый періодъ своей дѣятельности Иисусъ, повидимому, не встрѣчалъ сколько-нибудь серьезнаго противодѣйствія. Но съ того времени, какъ Иисусъ выступилъ на по-прище чудесъ и общественнаго успѣха, надъ нимъ начала собираться гроза. Непреодолимое препятствіе идеямъ Иисуса было главнымъ образомъ со стороны фарисеевъ — нерва и силы іудаизма. Иисусъ вступилъ въ борьбу съ офиціальнымъ лицемѣріемъ ихъ. Результатомъ этой борьбы была ненависть, которую могла утолить только смерть.

Для историка жизнь Иисуса кончается его послѣднимъ вздохомъ. Но слѣдъ, оставленный Иисусомъ въ сердцахъ его учениковъ и иѣкоторыхъ изъ его преданныхъ друзей, былъ такъ глубокъ, что въ теченіе многихъ недѣль онъ все еще какъ бы жилъ съ ними и утѣшалъ ихъ. «При какихъ условіяхъ энтузіазмъ, всегда легковѣрный, могъ создать всю совокупность рассказовъ, которыми устанавливается вѣра въ воскресеніе? Этого мы никогда не будемъ знать. Замѣтимъ, однако,

что въ этомъ играла видную роль сильная фантазія Марії Магдалины. Божественная сила любви! Благословенны тѣ моменты, въ которые страстное чувство галлюцинирующей женщины дало міру воскресшаго Бога!».

По выходѣ въ свѣтъ книги Э. Ренана «Жизнь Іисуса», папа Пій IX назвалъ автора ея «богохульникомъ Европы». Изъ католической и протестантской церкви полились обильнымъ потокомъ полемическія сочиненія противъ Ренана, и къ сожалѣнію, послужили рекламою, какой книга Ренана отнюдь не заслуживала. Теперь времени достаточно прошло. Книга Ренана, какъ и все на свѣтѣ, сдѣлалась достояніемъ исторіи. Есть возможность спокойнѣе разобраться въ событияхъ. Да, по сравненію съ трудомъ Штрауса, книга Ренина знаменуетъ прогрессъ. Рѣшительно не историческій методъ изслѣдованія первоизвѣстій о личности Іисуса и обо всемъ начальномъ христіанствѣ по схемѣ гегелянской философіи, превращавшей историческія дѣйствительныя события въ логическія абстракціи,—у Ренана окончательно устраненъ. Изъ тумана миѳовъ образъ Іисуса является въ блескѣ легенды. Не простой идеѣ, а сильной духомъ, хотя и окруженной облакомъ легендъ исторической личности христіанство обязано своимъ происхожденіемъ. Сущность этой личности Ренанъ старается понять изъ своеобразныхъ топографическихъ, соціальныхъ, культурныхъ и религіозныхъ условій, въ которыхъ она жила и дѣйствовала. Такъ книга Ренана предлагаетъ восхитительныя описанія страны и людей въ Галилѣѣ, которая навсегда сохранять свою не увѣдающую прелесть. Въ эту картину (раму) рѣшительно мѣстнаго колорита вставляеть Ренанъ образъ Іисуса, но не по законамъ исторического знанія, по руководствуясь эстетическими мотивами и опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ. Правда, Ренанъ, какъ мы видѣли, касается во введеніи вопроса объ источникахъ евангельской исторіи и даже относить написаніе нашихъ евангелій, вопреки Штраусу и тюбингенцамъ, ко 2-й половинѣ 1-го вѣка; но, приписывая имъ легендарный характеръ и находя въ нихъ очень мало историческихъ элементовъ, Ренанъ поставилъ себѣ задачи совсѣмъ не исторического произведения—«создать правдивое цѣлое изъ частей, которая сами по себѣ правдивы лишь отчасти», «угадать, что скрывается за евангельскими текстами, но при этомъ никогда не питать абсолютной вѣры въ то, что найдено такимъ образомъ». Разумѣется, при такихъ задачахъ и усло-

віяхъ, не могла явиться вѣрия біографія даже обыкновенной человѣческой личности, а лишь исторической романз. Такъ дѣйствительно и вышло. И это настолько очевидно, что теперь среди ученыхъ, не исключая даже рационалистовъ, двухъ мнѣній о книгѣ Ренана не существуетъ.—Изобразить въ лицѣ Іисуса сверхъестественное существо Ренанъ даже и не пытался, потому что онъ не признаетъ чудесъ и не вѣритъ въ богодохновенность нашихъ евангелій. Объ этомъ онъ самъ чистосердечно заявляетъ: «Если чудо имѣеть подъ собою сколько нибудь реальную почву, то моя книга представляетъ собою сплошное заблужденіе (sic!). Если евангелія являются книгами богодохновенными и, следовательно, если все въ нихъ, отъ начала до конца, непреложная истина, то я сдѣлалъ большую ошибку»... Изъ второстепенныхъ противорѣчій справедливо ставить Ренану въ упрекъ то, что онъ, возвысивъ во введеніи исторической авторитетъ синоптиковъ предъ 4-мъ евангеліемъ, въ самой же своей книгѣ гораздо больше пользуется евангеліемъ Іоанна, чѣмъ первыми тремя.

Справедливо говорить о книгѣ Ренана авторъ капиталь-нѣйшаго изслѣдованія о ней: «Въ одно и то же время книга Ренана о жизни Іисуса есть и художественная исторія и историческая романз, и портретъ и карикатура. Пока Ренанъ вращается въ области вѣхристіанской и вѣхъ евангельской, онъ историкъ-художникъ. Вся историческая обстановка евангелія: піва, воздухъ, перспектива, весь ландшафтъ исторической картины—все это нарисовано съ великимъ мастерствомъ и художественною правдою... Но лишь только Ренанъступаетъ на священную почву евангелія, входить въ его святое святыхъ, касается его души—евангельскихъ лицъ и особенно Христа,—нашъ художникъ-историкъ оказывается въ чужой землѣ, становится романистомъ, произвольно сцѣпляющимъ всевозможныя возможности и превращаетъ въ концѣ-концовъ евангеліе въ художественную карикатуру¹⁾.

IV. Попытка къ возсозданію религіознаго типа Іисуса у Альберта Ревиля.

У Ренана пѣть ни вѣры, ни серьезной науки. Нечальный разладъ между вѣрой и наукой въ великомъ вопросѣ о лич-

¹⁾ Проф. М. В. Муретовъ. Эрнестъ Ренанъ и его жизнь Іисуса. Спб. 1907, стр. 1—174.

ности Основателя новозавѣтной церкви онъ пытается примирить на почвѣ эстетической, художественной,—въ области, чуждой вѣрѣ и несродной наукѣ. «Наука и вѣра поиграли имъ и пошли дальше»¹⁾). Вотъ почему Ренанъ превратилъ жизнь Иисуса въ красивый романъ. Герой этого романа ча-рующій учитель, сентиментальный проповѣдникъ и любимецъ женщинъ. Между тѣмъ общее человѣческое сознаніе—за са-мымъ незначительнымъ исключеніемъ—смотритъ на Иисуса, какъ на чрезвычайное явленіе религіозной жизни, «чаяніе на-родовъ», и желаетъ видѣть въ Немъ исполнителя всеобщей потребности въ искупленіи и завершителя вѣковыхъ стремле-ній ко спасенію.

Попытку изобразить Иисуса, какъ религіознаго дѣятеля, какъ искупителя и примирителя, дѣлаетъ А. Ревиль въ своемъ сочиненіи «*Jesus de Nazareth*». t. I—II Paris. 1897²⁾.

Въ началѣ изслѣдованія авторъ ставитъ вопросъ: «откуда явилось христіанство?» Устрания прежде данные отвѣты, А. Ревиль высказываетъ много заслуживающихъ вниманія мыслей. Такъ, онъ, указывая на естественное стремленіе изслѣдователей связывать христіанство съ «предшествовавшими эволюціями человѣческаго духа на религіозной почвѣ», дѣлаетъ мудрое предостереженіе: «на этомъ пути много опасности, *не разо-брать коренного и движущаго принципа*, недостаточно отли-чая его отъ его формъ и позднѣйшихъ наслойній, *принять поверхностныя и случайныя аналогіи за тождество по су-ществу*³⁾. Сколь многіе изслѣдователи христіанства, произво-дившіе его отъ браманизма, буддизма, астралѣйской религіи, не говоря обѣ эллинизмѣ, не миновали этой опасности! Между тѣмъ случайныя analogіи объясняются просто. «Среди элемен-товъ подлежавшаго решенію вопроса упускалось изъ виду то единство человѣческаго духа, въ силу которого одинаковые начатки, порожденные въ очень различныхъ мѣстахъ и послу-жившіе параллельными исходными пунктами, могутъ въ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ приводить къ самымъ удивитель-нымъ совпаденіямъ, хотя между соответствующими народно-

¹⁾ См. предисловіе проф. Зелинского къ переводу на русскій языкъ кн. А. Ревиля, стр. X.

²⁾ *Albert Reville*, проф. Collège de France. Иисусъ Назарянинъ. Русскій пер. съ предисловіемъ проф. Зелинского. I—II. СПБ, 1909.

³⁾ Al. *Reville*, *Iesus de Nazare th.* t. 1, p. 1; рус. пер. стр. 1.

стями никогда не существовало никакихъ сношеній¹⁾). Особено распространено то ложное мнѣніе, по которому христианство есть «дочь эллинизма», несмотря на свою «іудейскую колыбель». Конечно, до извѣстной степени правильно утвержденіе, что развитіе христианства первыхъ вѣковъ имѣло греческій характеръ. «Но было бы большою ошибкою не признавать изъ-за этого оригинальныхъ элементовъ, отнюдь не греческихъ, которые, отлившись въ эту форму, сдѣлали нѣчто совершенно новое изъ этого эллинизма послѣдней формациії»²⁾. Въ греческихъ формахъ было выражено содержаніе «безусловно іудейского происхожденія». Слѣдовательно, чтобы разъяснить, по мѣрѣ возможности, подлинное происхожденіе христианства, нужно изучить прежде всего іудейство и его исторію³⁾; необходимо оставить въ сторонѣ эллинизмъ, но нельзя покидать Палестины.—Высказавъ свое основное воззрѣніе на происхожденіе христианства только отъ іудейства, которое выгодно отличаетъ автора отъ всѣхъ почти рационалистовъ, Ревиль углубляется въ исторію Израиля, чтобы опредѣлить главные принципы ея. Ревиль—натуралистъ. Поэтому онъ производить еврейскій монотеизмъ изъ особыхъ условій развитія національного іеговизма, при чемъ высказываетъ очень странную мысль, будто приписанная іудейскому народу *монолатрія* привела къ монотеизму⁴⁾, хотя искренно недоумѣваетъ: «почему эта эволюція совершилась въ древности только въ нѣдрахъ одного единственного народа»⁵⁾. Затѣмъ Ревиль обозрѣваетъ довольно подробно послѣ-плѣнную исторію Израиля—и вѣнчаную политическую и внутреннюю⁶⁾), каковое обозрѣніе извѣстно у нѣмецкихъ ученыхъ подъ именемъ «Neutestamentliche Zeitgeschichte», и лучшій образецъ котораго (обозрѣнія) далъ извѣстный Е. Шурерь. Относительно происхожденія мессіанской идеи Ревиль заключаетъ: «начало ея лежитъ далеко въ глубинѣ исторіи израильского народа, но не далѣе эпохи царей. Она является дальнѣйшимъ развитіемъ той мысли, что Іегова всту-

¹⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 3; рус. пер. 2 стр.

²⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 4—5; рус. пер. стр. 3—4.

³⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 8; рус. пер. 6 стр.

⁴⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 23; рус. пер. 17.

⁵⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 24; рус. пер. 18.

⁶⁾) A. *Reville*, t. 1, p. 1—265; рус. пер. 1—186.

пилъ въ особый союзъ съ израильскимъ народомъ, такъ какъ предпочелъ его всѣмъ другимъ»¹⁾.

Приблизившись къ порогу собственно новозавѣтной исторіи, Ревиль ставить и рѣшаєтъ вопросъ объ «исторической дѣйствительности личности Иисуса». Въ виду соціалистическихъ тенденцій, вопросъ не лишній. Утвердительное рѣшеніе вопроса основывается на свидѣтельствахъ вѣрхнѣхъ-христіанскихъ (Плинія, Светонія, Тацита, I. Флавія) и собственно-христіанскихъ—евангеліяхъ²⁾. Вопросъ о происхожденія евангелій разсматривается довольно подробно. Рѣшеніе не отличается ни оригинальностью, ни особою доказательностью. Происхожденіе синоптиковъ относится къ 130—140 г.г., а ихъ прототиповъ къ болѣе раннему времени: Абгіа Матея полагается до 70 года, аproto-марка послѣ 70—Четвертое евангеліе есть вѣтвьalexandrійской, філоновской філософіи, и появленіе его пріурочивается ко 2-й половинѣ II вѣка³⁾.

Евангельская исторія, говорить Ревиль, является исторіей Иисуса, проповѣдывавшаго Евангеліе и вскорѣ поплатившагося жизнью за право возвѣстить наиболѣе чистую, содержательную и простую религію, когда-либо предложенную человѣчеству⁴⁾. Мы не имѣемъ нужды представлять даже схемы изложенія жизни Иисуса по Ревилю. Изложеніе общественнаго служенія Иисуса Ревилемъ ничѣмъ не отличается отъ общаго типа натуралистического изображенія жизни Иисуса. Предсказанія о рожденіи Іоанна Крестителя и Иисуса онъ считаетъ легендами⁵⁾. Чудеса склоненъ понимать въ духѣ Павлюса⁶⁾ и т. д. Для насъ важно подчеркнуть кое-что сравнительно особое въ пониманіи Ревилемъ личности Иисуса и сути дѣла его.

По воззрѣнію Ревиля, Иисусъ былъ «великій мистикъ», который осуществилъ «взаимное проинновеніе самой интенсивной религіи и возвышеннѣйшей морали⁷⁾. Иисусъ былъ «съятель», который съять «въ человѣческой совѣсти идеаль вѣры и возвышенной морали, вѣра и мораль объединились»⁸⁾.

¹⁾ A. Reville, t. 1, p. 177; рус. пер. 127—128.

²⁾ A. Reville, t. 1, p. 256—294; рус. пер. 1, 187—218.

³⁾ A. Reville, t. 1, p. 295—360; рус. пер. 1, 219—267.

⁴⁾ A. Reville, t. p. 361; рус. пер. 1, 268.

⁵⁾ A. Reville, t. 1 p. 365; рус. пер. 271.

⁶⁾ A. Reville, t. II, p. 61—85.

⁷⁾ A. Reville, t. I, p. X; рус. перев. 1, XXIV.

⁸⁾ A. Reville, t. II, p. 480.

Но всякий идеалъ, продолжаетъ Ревиль, при своемъ воплощении неизбѣжно теряетъ въ своей чистотѣ. Несовершенство человѣческое осуждаетъ его на это. Съ этой точки зрењія не разъ приходится пожалѣть о томъ моментѣ въ жизни Іисуса, когда именно началось помраченіе (соб. пониженіе — *atténuation*) его собственного идеала. «Это было тогда, когда подъ давленіемъ обстоятельствъ, своего воспитанія, господствовавшихъ религіозныхъ идей, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ, въ формѣ, безъ сомнѣнія, самой идеальной и совершенно безкорыстно, облечься въ титулъ и достоинство Мессии»¹). Вѣрованіе, что Іисусъ есть ожидаемый Мессія, означаетъ первую перемѣну (*modification*) въ «чистой и простой основѣ евангелія... Отнынѣ личность того, кто возвѣстилъ евангеліе, извлекши его изъ глубинъ собственного духа, сдѣлалась самимъ объектомъ и основою религіозной вѣры»²). Эта вѣра стремилась возвысить свой объектъ до абсолютной степени. Сказать противъ Сына Человѣческаго — это означало сказать противъ Св. Духа... Эту перемѣну можно выразить въ четырехъ словахъ: вѣра *Іисуса* сдѣлалась вѣрою *во Іисуса*. Вѣра въ Іисуса, какъ Мессію, была «первымъ догматомъ, который породилъ другіе. Личность Іисуса сдѣлалась предметомъ такого почитанія, что не замедлили увидѣть въ Сынѣ Человѣческомъ существо большее, чѣмъ человѣкъ. Его постепенное обожествленіе началось»...³). Церковь апостольская создалась на вѣрѣ во Христа, какъ Мессію... Для насъ церковь имѣть большое значеніе въ нравственномъ отношеніи — для морального укрѣпленія всей нашей жизни и облегченія совѣсти отъ тяжести ошибокъ и заблужденій⁴).

Собственно Ревиль никоимъ образомъ не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ корифеями рационалистического направленія — Навлюсомъ, Штраусомъ и Ренаномъ. Если же мы и рассматриваемъ его послѣ нихъ, то это потому, что книга «Іисусъ Назарянинъ», благодаря специальнymъ свойствамъ французскаго автора, претендующаго даже на ученость, особенно въ 1-й части, — довольно популярна и уже переведена на русскій языкъ для чтенія интеллигентной публики,

¹⁾ A. *Reville*, t. II, p. 487.

³⁾ A. *Reville*, II, p. 487.

²⁾ A. *Revillie*, t. II, p. 488.

⁴⁾ A. *Reville*, II, p. 494.

падкой до всего рѣзкаго, отрицательнаго и разрушительнаго. Каждый изъ упомянутыхъ корифеевъ давалъ въ своеемъ произведеніи какую-либо новую мощную—отрицательную или положительную—идею и, дѣлая своего рода «эпоху», овладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ. Между тѣмъ Ревиль не оставилъ потомству «ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Въ его книгѣ—ни одной свѣжей мысли. Начнемъ хоть съ общаго его положенія — выведенія христіанства только изъ іудейства. Это воззрѣніе, свойственное всѣмъ рационалистамъ, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ, есть констатированіе очевиднаго факта и выворачиваніе церковнаго представлениія или ученія о тѣснѣйшей связи христіанства съ іудействомъ. Критика евангельскихъ источниковъ также не заключаетъ въ себѣ ни одной оригинальной мысли. Выведеніе евангелія Іоанна изъ филоновской философіи повторяетъ столь избитую мысль, что одно упоминаніе о ней наводить уныніе и вызываетъ отвращеніе. При самомъ изложеніи евангелій чередуются ренаповская легенда съ пресловутымъ павлюсовскимъ «изъясненіемъ чудесъ».—Но гдѣ обнаруживаетъ Ревиль особую слабость и противорѣчивость—это въ пониманіи личности Іисуса. Іисусъ по нему «великий мистикъ», соединившій наиболѣе чистую религію съ возвышенною моралью. И въ то же время тотъ же Іисусъ самозванно принимаетъ на себя титулъ Мессіи, вводить такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ послѣдователей, дошедшихъ въ концѣ концовъ до обожанія Іисуса. Самъ Ревиль понимаетъ всю фальшь такого религіознаго «идеала», гдѣ «великая мистика» мирится съ сознательнымъ обманомъ. Поэтому онъ всячески старается оправдать своего фантастического Іисуса, указывая на «историческую необходимость»¹⁾ принятія имъ на себя ложнаго титула и даже «право», отрицая при этомъ всякую корысть и дурныя намѣренія и высказывая, наконецъ, предположеніе, что если бы Іисусъ прожилъ больше, то онъ указалъ бы своимъ ученикамъ на опасность смѣщенія проповѣдника возвышенной религіи съ объектомъ вѣры²⁾. Но, справедливо замѣчаетъ на это проф. Е. Мишо³⁾, что «историческая необходимость» есть только одно слово; нѣтъ исторической необходимости—выдавать себя за персонажъ,

¹⁾ A. Reville, t. II, p. 487.

²⁾ A. Reville, t. II, p. 488.

³⁾ E. Michaud, Revue internationale de Theologie. 1897. Berne. VII—IX, № 19, p. 640.

не будучи имъ въ дѣйствительности, и никто не имѣеть «права» вводить въ обмань людей.—Не понимая личности Иисуса, Ревиль никакъ не можетъ выяснить глубокожизненное вліяніе Его и основанной Имъ церкви на послѣдующее время. Онъ, повидимому, искренно удивленъ, что «никогда еще столь обширная рѣка не исходила изъ источника, по поверхности столь незначительного»¹⁾). Здѣсь онъ думаетъ приблизить дѣло къ пониманію ссылкою на аналогію о сѣятелѣ и сѣмени²⁾). Но вѣдь собственно религіозныхъ сѣятелей человѣчество знало не мало; однако ихъ дѣло въ концѣ концовъ погибало или, видимо, было нелѣпымъ, ложнымъ. Какимъ же образомъ въ теченіе XIX-ти вѣковъ остался не превзойденнымъ идеаль Христа, хотя онъ, по утвержденію Ревиля, какъ человѣческій, можетъ быть «восполненнъ, расширенъ и даже исправленъ въ своемъ приложеніи»?³⁾ Потомъ, развѣ психологически мыслимо выяснить высокое нравственное вліяніе церкви, которое признаетъ Ревиль⁴⁾), на личную жизнь, если известно, что церковь зиждется на колоссальномъ недоразумѣніи, выдавая Иисуса за того, кѣмъ онъ не былъ?...

Мы разсмотрѣли главныхъ представителей раціоналистической мысли, пытавшейся лишить личность I. Христа сверхъестественного характера и сдѣлать ее вполнѣ понятною, какъ простое историческое, хотя бы то и религіозное — явленіе. Все это,—за исключеніемъ послѣдняго (Ревиля), но тоже стоящаго въ руслѣ раціоналистического теченія,—своего рода знаменитости: Павлюсь, какъ наилучшій экзегетъ, Штраусъ, какъ первоклассный критикъ, Ренанъ, какъ крупный литературный талантъ. Ревиль дѣлаетъ попытку къ возсозданію религіозного типа Иисуса. Можно сказать, въ лицѣ своихъ корифеевъ раціоналистическая мысль пережила всѣ фазы своего развитія, испробовала, повидимому, всѣ возможные пути и направлениія и, описавъ параболу, возвратилась къ тому же, откуда вышла, т. е. къ религіозному пониманію личности I. Христа. Но вышла раціоналистическая мысль, въ лицѣ Павлюса, полная силы и во всякомъ случаѣ несомнѣнно-свѣтлыхъ надеждъ—сдѣлать вполнѣ понятною личность Иисуса, съ

¹⁾ A. *Reville*, t. II, p. 479.

³⁾ A. *Reville*, t. II, p. 482.

²⁾ A. *Reville*, t. II, p. 480.

⁴⁾ A. *Reville*, t. II, p. 494.

полнымъ устраненiemъ сверхъестественного элемента, возвращается же она и останавливается предъ тѣмъ же вопросомъ: кто былъ Иисусъ?—уже съ разбитыми надеждами, съ растратченными попапрасну силами. Если въ весьма неудачной попыткѣ Ревиля—дать въ лицѣ Иисуса, вмѣсто ренановскаго сомнительнаго проповѣдника, образъ «завершителя вѣковыхъ стремленій человѣчества къ искуплению и спасенію»—не видѣть личнаго не-успѣха автора¹⁾), правда не особенно даровитаго,

¹⁾ Проф. Зелинскій, въ предисловіи къ русскому переводу сочиненія А. Ревиля „Иисусъ Назарянинъ“, сознавая и съ своей точки зрењія слабыя стороны предлагаемаго имъ автора—выведеніе христіанства только изъ іудейства, раціонализмъ въ изъясненіи чудесъ и въкотор. др.—думаетъ поставить натуралистическое направлениe въ пониманіи личности Иисуса на твердую почву, внося въ него кое-какія собственныя поправки. Онъ утверждаетъ, что Иисусъ заимствовалъ все свое воззрѣніе изъ іудейской религіи и греческой—религіи же, а не философіи, вопреки ложному мнѣнію—и по его сознанію—нѣкоторыхъ другихъ богослововъ. Проф. Зелинскій пишетъ: „Заклинаю тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, ты ли Мессія, сынъ Божій?“ спрашивали первосвященники Иисуса; торжественность заклинанія доказываетъ намъ, что въ этомъ вопросѣ сосредоточена догматическая сущность христіанства, какъ новой религіи. Но въ этомъ вопросѣ заключено два представлениія: Иисусъ—Мессія и Иисусъ—Сынъ Божій. И мы утверждаемъ: насколько первое представлениe объ Иисусѣ—мессіи основано на данныхъ іудейской религіи, настолько же второе представлениe объ Иисусѣ—Сынѣ Божіемъ имѣеть свои корни въ религіи эллинской. Ветхій завѣтъ былъ таковыи для христіанъ, поскольку онъ подготовилъ Иисуса—мессію; но Иисусъ—Сынъ Божій былъ подготовленъ эллинской религіей, и ее слѣдуетъ поэтому считать вторымъ ветхимъ завѣтомъ христіанства. Вторымъ и, прибавимъ, главнымъ (sic!). Сына Божія искала античность за все время своего существованія; она находила его поочередно въ Гераклѣ, Аполлонѣ, Александрѣ Великомъ, Птоломеѣ, Августѣ, но успокоилась лишь тогда, когда нашла его въ Иисусѣ. Его она восприняла всѣми фибрами своей жаждущей души. Іудейскаго мессію она приняла по необходимости, какъ мало понятный и таинственный прилатокъ; но съ Сыномъ Божіимъ сроднилась всѣмъ своимъ естествомъ. Иисусъ—мессія замеръ бы на берегу Йордана подобно всѣмъ мессіямъ до и послѣ него; но Иисусъ—Сынъ Божій побѣдилъ весь міръ“. (XII—XV). Концепція рѣшительная и смѣлая, но едва ли особо новая, еще неизвѣстная. Болѣе 70-ти лѣтъ тому назадъ глава тюбингенской школы, Ф. Хр. Баурѣ въ числѣ главныхъ факторовъ христіанства указывалъ—римскій универсализмъ, греческую философію и іудео-александрийскую теософію (*Geschichte der christlichen kirche. 3 Aufe. Tübingen. 1863, ss. 4. 16—20*). Проф. Зелинскій подчеркиваетъ (XIV) будто бы важную сдѣланную имъ поправку: христіанство обязано греческій религіи, а не философіи. Но, во 1-хъ, по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, ко времени пришествія I. Христа, не только среди простого народа, но

то раціоналістическая мысль должна искренно сознать свое полное безсиліе *).

М. Посьновъ.

даже и среди высшихъ эллинизированныхъ классовъ греческая религія потеряла свою силу и вытѣснялась восточными культурами. Во 2-хъ, греческой религії, какъ и вообще язычеству, была чужда идея Богочеловѣка, спасающаго страданіями людей отъ грѣха; тамъ господствовало убѣжденіе, что человѣкъ собственными силами можетъ и долженъ спастись отъ міровыхъ страданій и зла. (O. Gruppe. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. II. Bd. Mюnchen. 1906 ss. 1519 ff. 1488). А особенно нужно иметь въ виду, что, вопреки проф. Зелинскому, доказать знакомство Іисуса съ эллинизмомъ, да еще приписать ему усиленный трудъ надъ „извлечениемъ эллинской религіи изъ лабиринта греческихъ міевъ и культовъ“ (стр. XIV)—дѣло безнадежное. Мы указывали въ свое время на то, какъ Павлюсь, Штраусъ и Ренанъ единогласно отрицаютъ всякое знакомство Іоанна Крестителя и Іисуса съ эллинизмомъ. Въ „Галилеѣ языческой“ всего менѣе можно было встрѣтить именно эллинскихъ язычниковъ. Тамъ жили потомки древнихъ ханаанскихъ язычниковъ, сирійские, месопотамскіе язычники и др., только не эллинскіе. Не вѣрное со стороны фактической, утвержденіе проф. Зелинского является н-состоятельнымъ и по существу. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы выйти изъ такого синкретизма греческой религіи съ юдейской? Въ тогдашніе вѣка всякихъ синкретизмовъ исторія знаетъ самыя разнообразныя формы ихъ, при томъ предпринимавшихся людьми часто очень талантливыми и въ филосовскомъ и религіозномъ отношеніи. Извѣстенъ и филонізмъ, и позже гностицизмъ и неплатонізмъ—синтезы самые широкіе и, повидимому, глубокіе. И ничего изъ нихъ не вышло; они, просуществовавъ—100, много 150 лѣтъ, сходили въ могилу. Что же это былъ за чудесный синкретизмъ Іисуса, тѣмъ болѣе на половину уже упражденный филонізмомъ?.. Въ частности, можно ли серьезно говорить, что греко-римская „ античность успокоилась, найдя въ Іисусѣ Сына Божія, и восприняла его всѣми фибрами своей души“? Исторія говоритъ рѣшительно о другомъ. Греко-римская античность именно не могла воспринять въ себя христіанство, отчаянно боролась съ нимъ, стремилась исторгнуть его изъ себя, какъ „грубое и закоснѣлое суевѣrie“. Что же въ противномъ случаѣ можетъ значить борьба язычества съ христіанствомъ по всему фронту, и многолѣтня гоненія на христіанъ!.. Очевидно, можно говорить объ „успокоеніи“ античного міра при видѣ христіанства и „воспріятіи его всѣми фибрами души“ (можно говорить) только прибѣгая къ безпримѣрнымъ, отчаяннымъ натяжкамъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки